

РЕЦЕНЗИЯ

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ» / В.Ю. Артемов,
И.С. Власов, Н.А. Голованова и др.; отв. ред. Н.А. Голованова,
С.П. Кубанцев. М.: Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации;
ООО «Юридическая фирма контракт», 2019. 424 с.**

Михайлов Валентин Иванович

Рецензия посвящена коллективной монографии ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В рецензии анализируются суждения авторов монографии о новых направлениях развития уголовного законодательства стран, относящихся к разным правовым семьям, в частности, о криминализации различных проявлений эксплуатации детей, коррупции, киберпреступности. Кроме того, рассматриваются соотношение преступления, уголовного проступка и административного правонарушения, формы имплементации антикриминальных международных договоров в ткань национального права, особенности уголовной ответственности юридических лиц в разных государствах, альтернативные способы воздействия на преступность. По отдельным положениям монографии излагается мнение рецензента.

Ключевые слова: новые направления, развитие уголовного законодательства, соотношение преступлений и административных правонарушений, эксплуатация детей, борьба с коррупцией, киберпреступность, современное рабство, ответственность юридических лиц, альтернативные способы воздействия на преступность.

Характерной чертой современности является глобализация всех сфер общественной жизни. Этот процесс явился катализатором для придания международного характера некоторым видам традиционной преступности либо появления но-

вых видов преступности, затрагивающих интересы нескольких государств или носящих глобальный характер, а также повлек увеличение случаев причинения вреда публичным интересам деятельностью юридических лиц. Вместе с тем, главным

решающим элементом в противостоянии современной преступности выступают реализуемые государствами национальные политики противодействия преступности, базовыми элементами которых выступают их уголовное законодательство, являющееся материальной основой правовой помощи и выдачи по уголовным делам.

В связи с этим сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в последние годы издан ряд монографий, в которых подвергнуто анализу уголовное законодательство многих государств [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

При наличии такого количества изданий может показаться, что тема сравнительного правоведения в сфере борьбы с преступностью закрыта рассмотрением на многие годы. Однако издается очередная монография, на первый взгляд, по этой же теме. Однако, между ранее изданными работами и рецензируемым научным трудом имеется существенное отличие.

Если в первом случае научные изыскания, как правило, посвящались одному «виду» преступной деятельности и уголовно-правовым мерам противодействия им, либо законодательству одной страны, то в данной монографии избран иной подход. Рецензируемый научный труд представляет комплексное исследование, в котором систематизированы и обобщены основные направления развития уголовного законодательства стран, относящихся к разным правовым семьям, показаны формы имплементации антикриминальных международных договоров в ткань национально-го права, освещены механизмы уголовной ответственности юридических лиц, а также проанализированы альтернативные способы воздействия на преступность.

Книга содержит три главы, включающие 12 параграфов.

Такая структура работы позволила авторам не только дать общую характеристику последних изменений Особенной части уголовных законов государств, принадлежащих к семье общего права (Австралия, Великобритания, США и Канада), и государств, входящих в континентальную правовую семью (Польша, Франция, ФРГ, Чешская республика, Швейцария, Азербайджан, Грузия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Эстония), но и детально остановиться на наиболее актуальных с их точки зрения тенденциях.

В гл. 1 «Уголовное законодательство в правовой реальности XXI века» в двух первых параграфах излагается общая характеристика уголовного

законодательства государства, принадлежащего к семье общего права, и государств, принадлежащих к континентальной правовой семье, соответственно.

При анализе уголовно-правовой системы Великобритании отмечается, что отсутствие административной ответственности за правонарушения в континентальном правовом понимании привело к тому, что любое самое малозначительное деяние (преследуемое в иных странах как уголовный или административный проступок) считается преступлением.

С.П. Кубанцев, являющийся автором соответствующего раздела, делает интересное замечание о том, что подход к реформированию уголовных законов в США всегда носил хаотичный характер. В отличие от других отраслей права, которые развивались более или менее постоянно, всплески законодательных инициатив, инициируемые резонансными преступлениями, накопившимися проблемами криминального характера (организованная преступность, коррупция и беловоротничковая преступность и т.д.) или существенными изменениями в жизненном укладе (переход к промышленному производству, постиндустриальная эпоха, компьютерная эра и т.п.), сменялись периодами затишья законодателя, поэтому на сегодняшний день можно говорить о том, что в США по сравнению с другими отраслями уголовное право является одним из наименее развитых и наиболее запутанных.

Развитие уголовного права других государств во многих случаях сталкивается со схожими проблемами. И приведенный в монографии материал убедительно подтверждает этот тезис. Так, реформа УК Польши, в 2015 г., которую в литературе именуют «реформой, изменившей философию наказания», еще на стадии разработки стала предметом активного резонансного обсуждения, в ходе которого стало очевидным отсутствие в среде польских правоведов и представителей правоохранительной системы единого понимания фундаментальных проблем современного польского уголовного законодательства. Следствием этого явились и определенные противоречия в оценке избранных законодателем решений. Однако потребность в ее проведении была объективной. В монографии, в частности, отмечается, что необходимость подобных изменений в уголовном законодательстве была продиктована не только обязательствами Польши как члена Европейского Союза и Совета Европы, но и не вполне адекватной внутривосточной ситуацией, сложившейся к тому времени. Польша возглавляла рейтинг по

количеству лиц, находящихся в местах лишения свободы. На 100 тыс. жителей в Польше 217 отбывали наказание в тюрьмах, что значительно больше, чем в иных европейских государствах. Реформа УК Польши 2015 г. предоставила судам и органам прокуратуры более широкий набор инструментов, позволяющих назначать наказание с большей степенью учета социальной опасности конкретного виновного лица и его «криминологического прогноза».

Как представляется, приведенная выше ситуация схожа с той критикой, которой были подвергнуты масштабные изменения, внесенные в УК России Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [12; 13; 14 с. 45–49; 15].

Российские специалисты в сфере уголовного права многократно указывали и на хаотичность в развитии российского уголовного права в последние десятилетия. Приведенное авторами монографии положение о состоянии уголовного законодательства в других государствах показывает, к сожалению, что эта проблема имеет глобальный характер.

В монографии на обширном фактическом материале убедительно показано множественность формальных источников норм уголовного права государств, входящих как в семью общего права, так и в семью континентального права. В этих государствах к формальным источникам норм уголовного права относятся, наряду с уголовными кодексами, также многочисленные иные законы и иные нормативные правовые акты, издаваемые центральными и местными органами власти. По мнению авторов монографии, благодаря этому, в частности, в Польше удается достичь адекватной и своевременной реакции на появление новых технологичных вызовов, а также актуализировать правовую основу для борьбы с противоправным поведением. Представляется, что это положение заслуживает внимания при оценке распространенного в теории российского уголовного права мнения о том, что в Российской Федерации единственным источником уголовного права выступает УК России.

В параграфе 3 «Современный этап экспансионизма уголовного права» гл. 1 на основе анализа развития уголовного законодательства Австралии, США, Канады, Франции, ФРГ, Швейцарии, Польши, Эстонии, Казахстана, Кыргызстана показано, что в этих государствах ежегодный прирост новых составов преступлений намного превышает число деяний, ответственность за ко-

торые была отменена. При этом авторы отмечают, что, процесс экспансионизма уголовного права не является равномерным, и в разных государствах он осуществляется различными темпами. Однако, увеличение количества уголовно-правовых запретов весьма значительно и несопоставимо с числом декриминализованных. Одна из причин этого сводится к тому, что современная уголовная политика многих государств продолжает формироваться путем интернационализации уголовного права на основе положений международных антикриминальных договоров, учета новых опасных преступлений, часто имеющих трансграничный характер.

В частности, рассматривая вопросы расширения сферы криминализации в ФРГ, авторы указывают, что одним из актов, изменившим направление уголовной политики ФРГ, стал Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях, ужесточающий уголовную ответственность за использование социальных сетей для распространения пропагандистских материалов антиконституционных организаций; использование эмблем антиконституционных организаций и др.

Глава 2 «Международные стандарты и их отражение в национальном законодательстве» содержит пять параграфов. Исходя из названия параграфа 1 «Влияние международных стандартов на формирование новых мер борьбы современным рабством, коррупцией и киберпреступлениями» ожидалось, что в нем найдут отражение международные стандарты уголовно-правового противодействия соответствующим направлениям преступной деятельности, будет дана их характеристика, раскрыты международно-правовые источники этих стандартов и показано их влияние на развитие национального законодательства.

Однако, к сожалению, следует признать, что материал параграфа просто предваряет другие параграфы этой главы, в которых вопросы уголовно-правовых мер, принимаемых соответствующими государствами для борьбы с современным рабством, коррупцией и киберпреступлениями, излагаются более полно. Такие важнейшие источники международно-правовых стандартов с коррупцией, как Конвенция Организацией экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию не подвергнуты должному анализу, хотя выполнение их участниками всех стандартов, сформулированных в этих документах, все еще далеко от завершения.

Параграф 2 гл. 2 посвящен эксплуатации детей, как особой формы современного рабства. В нем на примере законодательства Австралии, США, Великобритании и Чехии показаны правовые меры борьбы с различными формами современного рабства (подневольное состояние, принудительный труд, насильственный брак) и торговлей людьми. В частности, отмечается, что несовершеннолетние лица становятся жертвами торговли в основном в целях вовлечения их в принудительный труд, в том числе для привлечения к работе в качестве домашней прислуги, в сельском хозяйстве, для вовлечения в занятие проституцией, для незаконного усыновления и для изъятия органов.

Вопрос о сексуальной эксплуатации детей стал предметом большой общественной озабоченности в связи с ростом числа подобных преступлений, обусловленным расширением цифровых технологий. В отношении преступлений, связанных с принуждением ребенка к действиям сексуального характера, в том числе с использованием онлайн-груминга (онлайн-приглашения детей для сексуальных целей), сексуальной эксплуатацией и связанных с ними преступных действий, государства ориентируется на международно-правовые документы: Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г., Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г., Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г., а также на документы Совета Европы о борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией. В тоже время, уголовно-правовое регулирование борьбы с эксплуатацией детей в разных государствах имеет свои особенности. Авторы, в частности, подробно показывают опыт Великобритании, которая в связи с необходимостью искоренения всех форм насилия и эксплуатации (включая сексуальную эксплуатацию) в отношении детей потребовала кардинального изменения законодательных норм в сторону усиления уголовной ответственности за посягательства на детей.

Великобритания, приняв в 2015 г. первой из европейских государств комплексный Закон о современном рабстве, ввела уголовную ответственность за все формы эксплуатации, связанные со всеми формами эксплуатации людей, включая сексуальную эксплуатацию.

Все положения данного Закона без исключения распространяются на детей (в возрасте до 18 лет). Так, согласно Закону под понятие эксплуатации

подпадает вовлечение в принудительный или обязательный труд; сексуальная эксплуатация, включая изнасилование, проституцию и детскую порнографию, непристойные фотографии детей, а также изъятие органов, коммерческие операции с использованием человеческих органов для трансплантации, ограничение использования живых доноров; принуждение к попрошайничеству или магазинным кражам; использование услуг детей и уязвимых лиц (больных или инвалидов, либо состоящих с нарушителем в семейных отношениях), предоставлять которые взрослый и здоровый человек, а также не связанный семейными отношениями, вероятно, не стал бы.

В параграфе 3 гл. 2 авторы монографии анализируют новые направления антикоррупционной уголовной политики и отмечают, что наряду с принятием новых уголовно-правовых мер в рассматриваемых государствах создаются специальные органы, основной или существенной частью деятельности которых является борьба с коррупцией. В качестве примера приводится формирование в штате Виктория Австралии Независимой антикоррупционной комиссии и Викторианского инспектората, а в Польше – Центрального антикоррупционного Бюро.

Показано, что во многих государствах противодействие коррупции ведется на основе долгосрочных программ. Так, например, в Казахстане таким документом является прежде всего Послание Президента от 14 декабря 2012 г. «Стратегия Казахстан – 2050: новый политический курс состоявшегося государства» и ряд других документов; в Польше – Программа «Противодействие коррупции на 2018–2020 гг.», утвержденная Постановлением Совета Министров от 6 января 2018 г., в Великобритании – Стратегия по борьбе с иностранным взяточничеством, Стратегия по борьбе с коррупцией на 2017–2022 гг. и пр.

Важное место в системе мер противодействия коррупции, по мнению авторов, занимает конфискация имущества. Причем, во многих государствах происходит определенное смещение акцента с применения конфискации в связи с уголовным преследованием на так называемую конфискацию *in rem*, т.е. конфискацию, которая может быть произведена отдельно от уголовного судопроизводства либо параллельно с ним. При этом институт гражданской конфискации в свою очередь также начал претерпевать определенные изменения в сторону ужесточения и расширения круга лиц, имущество которых может быть конфисковано. Отмечается, что для единообразия законодательных норм Европейский парламент при-

нял Директиву, предусматривающую принятие странами Сообщества процедуры расширенной конфискации в случаях, когда стоимость имущества осужденного лица не может быть обоснована его легальными доходами, а также предусматривающую возможность конфискации имущества третьих лиц в случаях, когда фактически владельцы неправоммерно приобретенного имущества передают такое имущество другим (третьим) лицам.

При этом авторы обращают внимание на многообразие используемых механизмов конфискации имущества не только в глобальном масштабе, но даже в рамках законодательства одной страны. Примером этому может быть Казахстан, где институт конфискации имеет двойственный характер. С одной стороны, конфискация выступает дополнительным видом уголовного наказания, а с другой стороны, может применяться в специальном порядке — как мера уголовно-правового воздействия в ходе уголовного судопроизводства до вынесения приговора суда. Этот механизм заключается в возможности принудительного изъятия и обращения в доход государства имущества у лица, наделенного процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, на стадии досудебного расследования или после прекращения производства по уголовному делу. По мнению авторов, такой подход проистекает из положения подп. «с» п. 1 ст. 54 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2001 г. *(В соответствии с подп. «с» п. 1 ст. 54 «Механизмы изъятия имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации» Конвенции ООН против коррупции каждое Государство-участник в целях предоставления взаимной правовой помощи согласно ст. 55 данной Конвенции в отношении имущества, приобретенного в результате совершения какого-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией, или использованного при совершении таких преступлений, в соответствии со своим внутренним законодательством рассматривает вопрос о принятии таких мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы создать возможность для конфискации такого имущества без вынесения приговора в рамках уголовного производства по делам, когда преступник не может быть подвергнут преследованию по причине смерти, укрывательства или отсутствия или в других соответствующих случаях.)*

Надо отметить, что характеристику принимаемых государствами мер авторы иллюстрируют фактическими данными, показывающими их эффективность. Так, в монографии отмечено, что в масштабах Европейского Союза 40% получен-

ных от совершения преступлений средств являются результатом конфискации без обвинительного приговора и только 13% — следствие классической конфискации. В частности, в Польше только за первое полугодие 2018 г. на основе так называемой расширенной конфискации было получено около 200 млн злотых. При этом стоимость имущества, изъятого у третьих лиц, составила почти 122 млн злотых.

Авторы справедливо уделяют внимание такой актуальной и непростой с точки зрения нравственности меры, как использование в борьбе с коррупцией, в том числе и для целей конфискации института осведомителей. Показано, что в США институт осведомительства в отношении коррупционных преступлений сконструирован таким образом, что выгоднее и безопаснее сообщить о фактах коррупции, чем укрывать их. В целях соблюдения требований законодательства крупный и средний бизнес вынужден был разработать многоуровневые системы антикоррупционного мониторинга и соответствия.

Наряду с этим показан существующий в Казахстане механизм поощрения граждан, оказывающих содействие в противодействии коррупции, подчеркивается о гарантиях неприкосновенности таких лиц и обеспечение их конфиденциальности, которые закреплены в Законе Республики Казахстан «О противодействии коррупции». Информация о доносителях является государственным секретом и ее разглашение влечет уголовную ответственность по ст. 185 «Незаконное собирание, распространение, разглашение государственных секретов» УК РК.

В монографии также уделено внимание использованию результатов технического прогресса для обмена информацией в целях противодействия коррупции и организации антикоррупционного контроля.

Вместе с тем, к достоинствам работы следует отнести то обстоятельство, что авторы освещают и те меры, противодействия коррупции, которые не включены в международные стандарты и широко не освещаются в литературе, но применение которых может повысить эффективность антикоррупционных мер. К таким мерам можно отнести установление уголовной ответственности за укрытие уголовных правонарушений от регистрационного учета путем обмана, уговора, угроз и иных неправоммерных действиях, адресованных лицу, обратившемуся с заявлением о готовящемся или совершенном уголовном правонарушении, а равно в уничтожении либо сокрытии любым иным способом таких обращений; пожизненный

запрет занимать должности на государственной и муниципальной службе, а также в организациях, имеющих в уставном капитале долю государства (ч. 2 ст. 50 и ст. 433 УК Казахстана).

Обращает внимание комплексность в изложении антикоррупционных мер, принимаемых различными государствами. Авторы наряду положениями уголовного законодательства об уголовной ответственности за дачу и получение взятки, различные виды использования служебного положения, подробно останавливаются также на вопросах уголовной ответственности за легализацию преступных доходов, мошенничество и некоторые преступления, которые относятся Конвенцией ООН против коррупции и некоторыми иными международно-правовыми актами к коррупционным преступлениям.

Вместе с тем в рамках научной дискуссии возможно отметить, что авторы монографии не определились с понятием «уголовная антикоррупционная политика». Наличие такого определения не только умножило научность рецензируемого труда, но и позволило бы усилить внутреннюю стройность анализируемой части монографии, в том числе за счет сравнительного анализа уголовного законодательства различных государств об ответственности за преступления, которые предусмотрены в ст. 15–28 Конвенции ООН против коррупции и других международно-правовых актах.

В современных условиях преступность в информационной среде представляет собой угрозу, оказывающую значительное воздействие не только на безопасность отдельных государств, но и в целом на мировой правопорядок. В связи с этим вполне обоснованно в качестве одного из современных направлений развития уголовного права в параг. 4 гл. 2 монографии рассматривается противодействие киберпреступности. Авторы подвергли анализу законодательство в сфере цифровых технологий Австралии, Великобритании, США и ФРГ, а также некоторую практику его применения. Причем, в целях терминологической точности ими отмечается, что термин «киберпреступность» охватывает, во-первых, преступления, направленные против самих цифровых носителей и самой компьютерной информации (например, распространение вредоносных программ), и, во-вторых, традиционные преступления, но совершаемые с использованием цифровых технологий (например, мошенничество, распространение порнографии и т.п.). Зачастую киберпреступления носят трансграничный характер, что существенно осложняет возможность правоохранительных ор-

ганов своевременно и в полном объеме получать доказательства при производстве уголовных дел. Однако, справедливо отмечают авторы, на международном уровне до сих пор не разработаны даже единые принципы или основания взаимодействия стран в рамках понимания природы и использования современных цифровых сущностей, что во многом обусловлено национальными различиями в сфере законодательного регулирования тех или иных вопросов, возникающих в сфере инноваций и валютно-денежных отношений.

Авторы отмечают, что одной из проблем является ненадлежащее нормативно-правое регулирование оборота криптовалюты (Bitcoin, цифровые деньги). Так, в Австралии вопросы использования криптовалюты регулируются Законом о противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма. При этом под цифровой валютой понимается цифровое выражение ценности (value), используемое в качестве средства сбережения или платежа, не эмитируемое никаким правительством, могущее быть обменным на обычные деньги и доступное широкому кругу людей. В ФРГ цифровая валюта признается финансовым инструментом, а в банковском законодательстве ФРГ частными денежными средствами и специфическими единицами финансового учета. При этом в ФРГ возобладал подход, соответствующий позиции Европейского суда, согласно которой для целей налогообложения транзакции с использованием криптовалют определены как платежные услуги, и, соответственно, не должны облагаться налогом на добавленную стоимость, но подлежат учету при расчете налога на доходы. Исходя из этого криптовалюта определяется как эквивалент законных средств платежа, а криптовалютные транзакции позиционируются в ФРГ как основанный на договоре альтернативный способ оплаты.

Вопросы ответственности юридических лиц как один из ключевых институтов современного права в последние годы привлекает к себе повышенное внимание ученых-правоведов, прежде всего в связи с необходимостью защиты публичных интересов от общественно вредной и опасной деятельности юридических лиц. По этой проблеме, в разных ее постановках, опубликован обширный перечень монографических работ, научных статей в юридических журналах, были подготовлены и защищены кандидатские и докторские диссертации, подготовлены соответствующие законопроекты.

Вполне естественно, что авторы рецензируемой монографии также уделили этому направлению развития законодательства Австралии, Велико-

британии, США, государств бывшей Югославии (Республики Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Словения, Хорватия и Черногория, частично признанное государство — Республика Косово, а также государственных образований Федерации Боснии и Герцеговины, Республики Сербской и округа Брчко Боснии и Герцеговины, имеющих, так же как Босния и Герцеговина, свои конституции и органы государственной власти), ФРГ, Азербайджана, Грузии, Молдовы, Чехии, Швейцарии, Эстонии и Кыргызстана.

В наименовании этого раздела монографии авторы не использовали термин «уголовная ответственность», обозначив предмет исследования гораздо шире — ответственность юридических лиц без привязки к конкретной отрасли законодательства. По-видимому, это сделано в связи с тем, что уголовное законодательство ФРГ, которому в этом параграфе также уделено внимание, не предусматривает юридических лиц ни в качестве субъекта преступления, ни в качестве субъекта уголовной ответственности. Тем не менее следует признать, что данный раздел монографии посвящен исключительно вопросам уголовной ответственности юридических лиц. О других видах ответственности юридических лиц, если и упоминается, то вскользь.

Очень наглядно и в тоже время лаконично многообразие подходов к конструированию оснований и порядка привлечения к уголовной ответственности юридических лиц показано на примере государств, образовавшихся на территории бывшей Югославии. Приведенные А.В. Федоровым, давно занимающимся вопросами нормативного регулирования уголовной ответственности юридических лиц в разных государствах [16, 17, 18, 19] и являющимся автором данного раздела монографии, данные показывают, что в одних государствах нормы об уголовной ответственности юридических лиц включены только в уголовные кодексы, в других — приняты специальные уголовные законы об ответственности юридических лиц, а в Уголовных кодексах отражена возможность привлечения к ответственности юридических лиц. Особенностью указанных специальных законов является их комплексный характер, так как они содержат нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Причем, А.В. Федоров органично используя метод «от общего к частному» вначале излагает общие закономерности, присущие группе государств, а затем в качестве примера приводит соответствующие страны. Это позволило избежать повторов и сделать текст простым и лаконичным.

Авторами монографии обоснованно обращается внимание на то, что при конструировании уголовной ответственности юридических лиц государства используют две модели: идентификационную модель и расширенную идентификационную модель. При идентификационной модели ответственность юридического лица наступает в результате совершения преступления физическим лицом, занимающим в нем руководящее положение (контролирующим лицом) или обладающим представительскими полномочиями. Расширенная идентификационная модель предусматривает уголовную ответственность юридического лица и в случаях, когда преступление совершено в интересах юридического лица иными лицами исходя из того, что совершение преступления физическим лицом стало возможным вследствие отсутствия должного контроля со стороны юридического лица в отношении своих работников (сотрудников).

В государствах также по-разному регулируется вопрос об объеме (перечне) преступлений, в случае совершения которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц. В одних случаях, это любые преступления, а в других — только отдельные, специально оговоренные законом.

Система уголовных санкций, применяемых в отношении юридических лиц, включает в себя исчисляемые по разным методикам штрафы; конфискацию (изъятие) имущества; запрет на размещение ценных бумаг, принадлежащих юридическому лицу; запрет на осуществление юридическим лицом отдельных видов деятельности; постановку юридического лица, которому было вынесено условное осуждение, под надзор на определенное время; публикацию (афиширование) приговора (данная мера эффективна в отношении недобросовестных медицинских клиник, действующих в ущерб здоровью пациентов, фирм, создавших финансовые пирамиды, фабрик, загрязняющих природную среду); возложение судом обязанности на юридическое лицо разработать и осуществлять программы по предотвращению преступлений на срок от трех до пяти лет; ликвидация юридического лица (*В работах, посвященных уголовной ответственности юридических лиц, иногда ликвидацию юридического лица, приравнивают к такому виду головных наказаний, применяемых к физическим лицам, как смертная казнь. См., в частности [20].*

Таким образом, при определении видов ответственности у государств нет полного единообразия в их определении и системе, но есть содер-

жательное соответствие международным актам, предусматривающим уголовную ответственность юридических лиц.

Вместе с тем, авторы данного раздела монографии, который, как уже отмечалось, фактически посвящен рассмотрению вопросов уголовной ответственности юридических лиц, не посчитали возможным дать определение понятия «уголовная ответственность юридических лиц». Отсутствие понимания в этом важном вопросе позволяет авторам относить ФРГ к числу государств, в которых установлена уголовная ответственность юридических лиц. В общем-то с этим можно согласиться, но не потому, что правоприменители ФРГ «вводят в отношении компании-нарушителя меры уголовной ответственности, такие как конфискация и изъятие имущества, предусмотренные ст. 73 и 74 УК ФРГ, как отмечают авторы монографии (с. 276–281), а потому, что законодательство ФРГ об административных правонарушениях рассматривается как уголовное право в широком смысле [21, с. 159]. Кстати, Европейский суд по правам человека исходит из того, что соответствующие административные правонарушения, предусмотренные КоАП России, с точки зрения степени суровости возможного наказания входят в сферу уголовного законодательства. К лицам, привлекаемым к ответственности за такие правонарушения, применимы положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод как к лицам, привлекаемым к ответственности за преступления (См.: Пункты 92–95 Постановления ЕСПЧ от 09.03.2006 «Дело «Менешева (Menesheva) против Российской Федерации» (жалоба № 59261/00) // СПС КонсультантПлюс). Поэтому КоАП России по характеру порождаемых им правоотношений, также является «источником уголовной ответственности» [22, с. 44–45].

Возвращаясь к вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в ФРГ, отметим, что конфискация имущества не называется ни в гл. 1 «Наказания» разд. 3 «Правовые последствия» УК ФРГ, ни в гл. 6 «Меры исправления и безопасности» этого же разд. 3 УК ФРГ. Конфискации и изъятию имущества посвящена гл. 7 разд. 3 УК ФРГ. В ст. 73 и 74 УК ФРГ, на которые ссылаются авторы монографии, закреплены основания и порядок изъятия чего-либо, что исполнитель или участник приобрели от совершения правонарушения деяния или посредством него (См.: Уголовный кодекс ФРГ // <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyj-kodeks-fpg.html> (дата обращения: 18.03.2020)). Данные нормы применимы к случа-

ям изъятия имущества, полученного в результате уголовного правонарушения, находящегося в том числе у третьих лиц, которыми могут быть и юридические лица. Правовые положения гл. 7 «Конфискация и изъятие имущества» разд. 3 УК ФРГ по смыслу аналогичны положениям гл. 15.1 «Конфискация имущества» УК России.

В монографии подробно анализируются положения Закона об административных правонарушениях ФРГ, позволяющие налагать на юридическое лицо ответственность в виде штрафа в случае, если лицо, представляющее интересы соответствующего юридического лица и действующее от его имени, совершит деяние в нарушение предписаний уголовного или административного закона.

При этом в монографии отмечается, что на современном этапе развития немецкого уголовного законодательства концепция уголовной ответственности юридических лиц отсутствует. Вместе с тем, как указывается в монографии, юридические лица могут быть привлечены к ответственности в виде штрафа в случаях совершения преступлений и административных правонарушений представителями их органов управления и надзорных органов. Наряду с этим указывается на возможность немецкого правоприменителя привлекать юридические лица к мерам уголовного воздействия, таким как конфискация и изъятие, что также, по мнению авторов, говорит в пользу фактического наличия института уголовной ответственности юридических лиц в ФРГ. Исходя из этого авторы делают парадоксальный вывод — о «фактическом наличии института уголовной ответственности юридических лиц в ФРГ», понимая при этом уголовную ответственность лишь как ответственность, применяемую на основании ст. 73 и 74 УК ФРГ, то есть уголовную ответственность в строгом значении этого термина.

С таким утверждением согласиться нельзя. Решения судов ФРГ об изъятии в соответствии со ст. 73 и 74 УК ФРГ какого-либо имущества, приобретенного в результате совершения правонарушения и находящегося у юридического лица, не говорит о том, что в ФРГ в отношении юридических лиц установлена уголовная ответственность в строгом значении этого термина. Представляется, что заявление о наличии в ФРГ уголовной ответственности юридических лиц нуждается в дополнительном изучении.

Серьезный интерес вызывают те положения рецензируемой монографии, в которых рассматривается история становления теории уголовной ответственности юридических лиц в Вели-

кобритании, США и других государствах. Так, в частности, авторы отмечают, что в США ранние подходы к уголовной ответственности юридических лиц основывались на теории отождествления, которая подразумевала отождествление юридического лица с физическим. С течением времени акценты сместились на теорию замещающей ответственности, когда юридическое лицо выступает в качестве ответственного за действия своего сотрудника или агента.

Авторы объективно показывают, что для многих государств, особенно образовавшихся на территории бывших СССР и Югославии, включение норм об ответственности юридических лиц в уголовное законодательство обусловлено требованиями Совета Европы (СЕ), Европейского союза (ЕС) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а, отнюдь, не потребностями развития национальных правовых систем, так как традиционно существующие институты административной и гражданско-правовой ответственности позволяли обеспечивать публичные интересы в случаях их нарушения юридическими лицами.

В данном разделе содержится ряд интересных положений об уголовной ответственности юридических лиц в государствах, принадлежавших к разным правовым системам, которые вводятся в научный оборот в Российской Федерации. Вместе с тем, отсутствие материала, раскрывающего процедуру привлечения к ответственности, порядок международного сотрудничества, применение такой меры ответственности как ликвидация юридического лица и другие элементы механизма реализации уголовной ответственности юридических лиц, снижает общее положительное впечатление.

Понятно, что авторы в данном и других случаях ограничены объемом исследования, в связи с чем сосредоточили свое внимание на материальном праве, но процедурные вопросы, по нашему мнению, следовало хотя бы кратко оговорить.

Глава 3 монографии посвящена альтернативным мерам и способам воздействия на правонарушителей, принимаемых в разных государствах, и содержит четыре параграфа. Авторами монографии справедливо отмечается, что перед многими государствами, ежегодно затрачивающими значительные бюджетные средства на цели уголовного правосудия и содержание исправительных учреждений, стоит задача применения других механизмов, позволяющих сократить государственные издержки, в том числе путем выведения отдельных категорий правонарушений из сферы уголовной юстиции.

Надо сказать, что эта проблема актуальна и для России. Число осужденных в нашей стране стабильно сокращается. Если в 2010 г. число осужденных лиц (по основной статье УК России) по вступившим в законную силу приговорам составляло 845 071 чел., то в 2019 г. — 598 214 чел. (См.: *Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010–2019 г. ответственно*// <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2020)). На 1 января 2019 г. в исправительных колониях отбывали наказание 463 444 осужденных, что практически на четверть миллиона человек меньше, чем 10 лет назад. Но, тем не менее, вопрос об альтернативных мерах воздействия на преступность для Российской Федерации продолжает оставаться актуальным. В этой связи наличие в рецензируемой монографии главы, посвященной различным альтернативным мерам и способам воздействия на правонарушителей, представляет практический интерес.

Параграф 1 данной главы посвящен вопросам разграничения преступлений, уголовных проступков и административных правонарушений, в котором рассмотрено законодательство Австралии, Великобритании, Канады, США, ФРГ, Польши, Франции, Чехии, Швейцарии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Туркменистана и Кыргызстана.

Авторами отмечается, что во многих государствах предпринимаются попытки перевести правонарушения, не обладающие большой общественной опасностью (вредностью), из разряда преступлений в уголовные проступки и (или) административные правонарушения в целях уменьшения нагрузки на судей, рассмотрения таких дел как правило, в упрощенном порядке и, как следствие, снижение затрат бюджета.

Причем в государствах общего права (Австралии, Великобритании, Канады, США) в целях снижения уголовной репрессии и декриминализации отдельных малозначительных деяний используют гражданские и административные санкции, особенно когда речь идет о правонарушениях, преследуемых на основании подзаконных актов.

Не только практический, но и методологический интерес для российских исследователей представляют подготовленные Кубанцевым С.П. разделы монографии, в которых анализируются положения права США, в соответствии с которым одним из видов категоризации преступлений является выделение деяний *mala in se* и *mala prohibita*. К категории *mala in se* относятся деяния, являющиеся упречными по своей сути, когда не возникает никаких сомнений в их вреде для обще-

ства, учитывая нарушение норм морали и нравственности. При этом они не обязательно должны относиться к категории тяжких преступлений. Это убийство, причинение вреда здоровью или имуществу других лиц и некоторые другие. К категории *mala prohibita* относятся те наказуемые деяния, ответственность за которые формируется волей государства и подкрепляется ответственностью на уровне закона, вне зависимости от моральной упречности таких деяний. В основном это нарушение установленных правил техники безопасности, пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, некоторые виды нарушений личных неимущественных прав и т.д. Уголовные законы, действующие на территории США, содержат в себе как противоправные деяния категории *mala in se*, так и *mala prohibita*, в то время как административный кодекс (*По общему правилу Административный кодекс (закон) определяет ответственность государственных органов в случае нарушения прав и причинения вреда гражданам со стороны государственных органов (См.: стр. 308–309 рецензируемой монографии)*). В связи с этим представляется, что в данном случае правильнее бы говорить не об административном кодексе, а о кодексе (закон) об административных правонарушениях)) содержит только противоправные деяния категории *mala prohibita*, которые в большинстве своем являются преступлениями строгой ответственности, не требующими прямого доказывания *mens rea* (вины). Вторым явным отличием выступает то, что производство по административным делам может осуществляться полномочным должностным лицом (*hearing officer*) без присяжных заседателей, а в большинстве случаев и без участия лица, привлекаемого к административной ответственности.

Значимость данного замечания о используемой в теории уголовного права США категоризации преступлений проявляется в том, что в теории российского уголовного права такой подход широкого распространения не получил. Конечно, деление преступлений на преступления с материальными и формальными составами близко к тому, что используется в США. Но, представляется, что принятый в теории США подход позволяет более полно показать ту степень отличия так сказать «естественных преступлений» (преступлений с материальными составами) от «сконструированных государством преступлений» (преступлений с формальными составами).

В странах, принадлежащих к романо-германской правовой семье, нормы об административной ответственности содержатся в законодатель-

стве о проступках или, как его еще называют «малом уголовном праве» либо «уголовном праве в широком смысле». Например, в ФРГ действует специальный Закон о проступках против общественного порядка состоящий из Общей и Особенной частей. Расследование (дознание) по делам о проступках проводится административными органами (органами управления. Разбирательство о проступке ведется на основе правил, закрепленных в УПК ФРГ.

Авторы монографии указывают, что регулирование ответственности за такие проступки в ФРГ близко по структуре к российской системе ответственности за административные правонарушения. При этом подчеркивается, что принципиальной разницей является то, что в России дела о таких проступках рассматриваются судами общей юрисдикции — для физических лиц и арбитражными судами — для лиц юридических, а в ФРГ такие дела расследуются и рассматриваются органами исполнительной власти (включая полицию), а в суды передаются прокуратурой в крайних случаях (когда содеянное по степени своей опасности ближе к преступлению, а не к проступку).

С данными утверждениями согласиться нельзя, так как в соответствии с гл. 22 КоАП России дела об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП России, рассматриваются не только судьями, но также федеральными органами исполнительной власти, их структурными подразделениями, территориальными органами и структурными подразделениями территориальных органов, иными государственными органами и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В государствах-участниках СНГ также применяются различные подходы к регламентации составов административных правонарушений и процедуры привлечения к административной ответственности. Причем, в одних государствах административные правонарушения (проступки) закреплены в Кодексах об административных, а судебная подведомственность споров, связанных с административно-правовыми отношениями, процессуальные принципы и правила рассмотрения и разрешения данных споров в суде определены в Административно-процессуальных кодексах. В других в едином Кодексе определены, какое действие (бездействие) является административным правонарушением, порядок производства по делам об административных правонарушениях, основания и условия административной ответственности, виды административного взыскания в отношении физических и юридических лиц.

В данном случае следует отметить, что в рецензируемой монографии имеется обширный материал о новеллах, которые вносят государства-участники СНГ в свое законодательство, как справедливо отмечает О.И. Семькина, являющаяся автором соответствующих разделов, зачастую под влиянием СЕ, ОЭСР и других международных организаций, а не в силу внутренних потребностей.

В параграф 2 гл. 3 рассматриваются механизмы замены и смягчения наказания для отдельных категорий физических лиц. Показано, что альтернативные меры являются составной частью канадского уголовного правосудия, которая представляет «собой сложную гибридную систему, основанную на двух разных философиях и практиках реагирования на преступление». Альтернативные меры могут быть применены на разных стадиях уголовного процесса, как до, так и после предъявления обвинения, до и после вынесения приговора, а также после отбытия наказания. Применять их также могут полиция, прокурор, суд, служба исправительных учреждений и служба пробации.

В соответствии с УК Канады такие меры могут быть применены к лицу, предположительно совершившему преступление, взамен предъявления обвинения, если это не противоречит принципу защиты общества и интересам потерпевшего, и с соблюдением определенных условий. Правонарушитель должен признать факт действия или бездействия, которое составляет основу предположительно совершенного преступления; выразить полное и добровольное согласие на применение альтернативных мер. Обычно такие меры применяются к лицам, совершившим впервые малозначительное правонарушение, преследуемые в упрощенном порядке. Соглашение об альтернативных мерах может содержать ряд условий, зависящих от конкретной ситуации, например, связанных с возвращением имущества или реституцией; принесением извинений жертве; работой на благо общества.

Авторы монографии вполне обоснованно обращают внимание на использование в США системы превентивных наказаний. Такая мера уголовного воздействия может быть применена к лицу, явно тяготеющему к преступному поведению либо совершающему мелкие правонарушения, которые вполне могут привести его на преступный путь. В качестве санкции превентивного наказания применяются все те же виды наказания, которые применимы к лицам, уже совершившим преступления. Суть его в том, чтобы оградить несовершеннолетнего от еще большего зла, которое он может причинить себе и окружающим.

В европейских государствах исторически и юридически ювенальное уголовное право и ювенальное уголовное судопроизводство взаимосвязаны. Изначально были приняты нормы материального права, которые предусматривали более мягкую ответственность несовершеннолетних, а впоследствии стали возникать специальные процессуальные нормы о правосудии по делам несовершеннолетних. В настоящее время в европейских странах наблюдается тенденция о включении в УПК специальных разделов об особенностях производства по уголовным делам в отношении лиц, не достигших 18 лет.

В монографии подробно раскрывается интересный опыт Кыргызстана, принявшего Кодекс «О детях», в отдельном разделе которого сформулированы понятие, принципы и гарантии ювенальной юстиции, в том числе для уязвимой группы несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом. При отправлении правосудия посредством уголовного судопроизводства в отношении этих групп детей гарантируются избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и наказания в виде лишения свободы только в качестве крайней меры; прекращение уголовного судопроизводства, если в ходе применения досудебных мер воспитательного воздействия ребенок исправился и утратил общественную опасность.

В Казахстане в систему иных мер уголовно-правового воздействия был включен принудительный платеж, что стало заключительным этапом формирования межотраслевого института возмещения вреда потерпевшим за счет государственных бюджетных средств. Потерпевший (его правопреемники) имеет право на получение за счет бюджетных средств денежной компенсации за имущественный вред, если у осужденного за особо тяжкое преступление отсутствует имущество, достаточное для возмещения причиненного этим преступлением ущерба. Формирование финансовых средств фонда осуществляется за счет принудительных платежей, взысканных с виновных лиц, совершивших преступления, а также от реализации конфискованного имущества, добытого преступным путем.

Параграф 3 гл. 3 посвящен медиации как средству разрешения уголовно-правового конфликта вне рамок механизмов уголовного преследования. В документах Совета Европы, специально посвященная применению медиации в уголовном процессе, даны ее определения и основные правила осуществления.

Для российской юриспруденции вопросы внедрения этого механизма разрешения конфликта, порождаемого преступлением, представляется как

практическое, так и теоретическое значение [23, 24]. В связи с этим авторы монографии отмечают, что медиация представляет собой иной подход к достижению справедливости, чем традиционная судебная система. В то время как суды обязаны применять карательные меры и не заботиться о потерпевших, восстановительное правосудие, в том числе с помощью медиации, сфокусировано на возмещении вреда, причиненного преступлением, возвращении правонарушителя в общество и предоставлении всем субъектам, пострадавшим от преступления, прямого голоса в процессе управления правосудия.

Авторами показано, что медиация активно применяется в Австралии, США, ФРГ, Польше, Казахстане и некоторых других государствах. Освобождение от наказания или его смягчение мотивирует преступника на примирение с потерпевшим и полное добровольное возмещение вреда. Примирение между преступником и жертвой является естественной формой разрешения конфликта, единственно возможной без вмешательства государства, пришедшей на смену кровной мести.

Причем, освещение общих вопросов медиации сопровождается раскрытием опыта ряда государств. Так, отмечается, что в США применение медиации по уголовным делам, особенно в отношении несовершеннолетних, имеет тенденцию к росту. Как правило, такие процедуры применяются по менее тяжким преступлениям, но законом обычно не воспрещается медиация и по делам о более тяжких преступлениях.

Понятие медиации законодательно определяется как процесс, посредством которого нейтральный посредник помогает сторонам («прокурор» и «подсудимый») в достижении взаимоприемлемого соглашения по вопросам уголовного преследования и иным вопросам, рассматриваемым при разрешении уголовного дела. Соглашение может включать варианты вынесения приговора, решения о реституции, допустимость доказательств и любые другие вопросы, которые будут способствовать разрешению дела.

В правовых системах государств — участников СНГ только в Молдове, Казахстане и Киргизии медиация распространилась на уголовное судопроизводство. Согласно Закону Республики Казахстан «О медиации» соглашение об урегулировании конфликта при проведении медиации в ходе уголовного судопроизводства представляет собой письменный документ о заглаживании причиненного потерпевшему вреда и примирении правонарушителя с потерпевшим. Достижение

соглашения является обстоятельством, исключающим либо позволяющим не осуществлять уголовное преследование, но при этом не считается основанием, приостанавливающим производство по уголовному делу.

В заключительном параг. 4 гл. 3 рассматриваются особенности правового регулирования освобождения юридических лиц от уголовной ответственности. Авторы монографии, представляя опыт Великобритании, Канады, Австралии, Франции, Эстонии и Швейцарии, справедливо отмечают, что в основе предпринимаемых этими государствами мер лежит практика США.

В США одним из факторов, влияющих на решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности юридического лица за вменяемое ему правонарушение либо о смягчении ответственности, является наличие у соответствующего юридического лица программ соответствия (compliance). Как правило, эффективная программа является одним из факторов, которые учитываются при определении размера штрафных санкций, решения вопроса об инициации переговоров по урегулированию, а также смягчение обвинения или санкции. При этом в США в соответствии с Федеральными принципами уголовного преследования юридических лиц и руководством по назначению наказаний прямо предусматривается смягчение обвинения или санкции в том случае, когда есть работающая внутри компании система compliance.

Другим способом снижения уровня уголовной ответственности юридических лиц в США традиционно является заключение сделки о признании вины. С течением времени помимо традиционной формы признания вины сформировалось еще два вида соглашений, связанных с привлечением юридических лиц к уголовной ответственности (соглашение об отказе от уголовного преследования и отложение уголовного преследования). Приоритет на заключение данных соглашений отдается в том случае, когда компания добровольно раскрывает предполагаемое преступление, активно сотрудничает с правоохранительными органами при расследовании. При этом существенно выросло и количество собираемых штрафов.

Одним из существенных отличий традиционного соглашения от двух последних является то, что в последних случаях дело разрешается без судебного рассмотрения, а юридические лица не несут сопутствующих издержек, связанных с участием в уголовном процессе. Кроме того, требуется раскрытие третьим лицам информации об уголовном преследовании, что существенно сокращает репутационные потери компаний.

В свою очередь в Канаде к юридическим лицам, допустившим нарушение, сотрудничающим с Генеральным прокурором и Уполномоченным по вопросам конкуренции, возможно применение освобождения от наказания или его смягчения.

Авторами монографии отмечается, что современный этап в отношении юридических лиц можно охарактеризовать как тенденцию к глобальному расширению использования режимов, аналогичных применяемым в США. Примером тому приводится Франция, где с 2016 г. Законом о транспарентности, борьбе с коррупцией и модернизации экономической жизни предусмотрена также возможность заключения юридическим лицом, привлекаемым к ответственности, судебного соглашения.

В заключении полагаю возможным отметить, что рецензируемая работа содержит ряд интересных положений, отражающих новые направления развития уголовного закона. Они составляют добротный, хорошо аргументированный, выполненный со знанием дела материал для его изучения, оценки и возможного использования в нормотворческой деятельности в нашей стране. Анализ законодательства других государств основан на критическом изучении авторами существующей нормативной базы борьбы с преступностью в ряде государств, а также некоторой практики его применения. В целом монографии «Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование», в котором представлены основные направления развития уголовного законодательства стран, относящихся к семьям континентального и общего права, представляет серьезный научный и практический интерес.

Конечно, рецензируемая работа не свободна от существенных, на некоторые из которых ука-

зано в рецензии, и технико-редакционных недостатков. Так, в работе встречаются повторы. Например, на с. 19–20 монографии освещаются вопросы компетенции федерального парламента и штатов Австралии в сфере государственной службы, а также отмечается о создании в штате Виктория двух антикоррупционных органов. Фактически дословно эти же вопросы изложены на с. 158–160 рецензируемой монографии. В качестве замечания приходится отмечать и непоследовательность в использовании наименований одних и тех же нормативных правовых актов. Так, в частности, одна и та же Конвенция Совета Европы именуется как «Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Council of Europe Convention on Cybercrime)» (с. 219), «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г., с изм. от 28 января 2003 г.)» (с. 133) и «Будапештская конвенция 2001 г.» (с. 133). Такой разницей в терминах существенно затрудняет восприятие в общем-то весьма интересного и полезного материала.

Однако указанные замечания ни в коей мере не снижают положительного впечатления от того объема фактического нормативного материала, который представлен в монографии. Многие из положений, приведенных в монографии, вводятся в научный оборот в российских изданиях впервые.

Работа безусловно будет полезна самому широкому кругу специалистов: от студентов, готовящих первые научные работы, до экспертов, готовящих проекты нормативных правовых актов в сфере борьбы с различными проявлениями преступности, и сотрудников органов юстиции и других государственных органов, осуществляющих международное сотрудничество с иностранными партнерами по вопросам правовой помощи и выдачи.

Литература

1. Хабриева Т.Я., Автономов А. С., Артемов В. Ю. и др. Национальное и международно-правовое регулирование противодействия торговле людьми и рабству в их современных формах. М.: ИЗИСП, 2019. 389 с.
2. Автономов А.С., Артемов В.Ю., Власов И.С. и др. Возмещение материального вреда потерпевшим: сравнительно-правовое исследование. М.: ИЗИСП, 2016. 304 с.
3. Артемов В.Ю., Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Борьба с коррупцией в правоохранительных органах за рубежом. М.: ИНФРА-М, 2018. 318 с.
4. Артемов В.Ю., Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах. М.: ИЗИСП, 2017. 304 с.
5. Власов И.С., Власова Н.В., Голованова Н.А. и др. Ответственность за отмывание (легализацию) коррупционных доходов по законодательству зарубежных государств. М.: ИНФРА-М, 2017. 310 с.
6. Власов И.С., Голованова Н.А., Артемов В.Ю. и др. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ. М.: ИЗИСП, 2012. 496 с.

7. *Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. и др.* Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование. М.: ИЗИСП, 2014. 432 с.
8. *Лафитский В.И. и др.* Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы. М.: ИЗИСП. 2012. 528 с.
9. *Лафитский В.И. и др.* Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 2. Правовые системы Западной Европы. М.: ИЗИСП, 2012. 768 с.
10. *Лафитский В.И. и др.* Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии. М.: Юрид. фирма «Контракт», 2013. 704 с.
11. *Хабриева Т.Я., Федоров А.В., Беар-Туше М. и др.* Уголовная и административная ответственность юридических лиц в России и во Франции. М.: ИЗИСП, 2018. 193 с.
12. *Архипцев Н.И.* Уголовно-правовое законотворчество: проблемы и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 55–59.
13. *Ечкало В.* Преступление и наказание, или Кто виноват (черный юмор законодателя // Законодательство. 2004. № 4. С. 86–87.
14. *Малков В.П.* Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Таглитат», 2006. 139 с.
15. *Маркунцов С.А.* О масштабах перманентной новеллизации Уголовного кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 18–26.
16. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц во Франции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1. С. 15–25.
17. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц // Закон. 2017. № 6. С. 62–69.
18. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц на постюгославском пространстве // Российский следователь. 2018. № 11. С. 69–76.
19. *Федоров А.В.* Уголовные санкции для юридических лиц на постюгославском пространстве // Российский следователь. 2018. № 12. С. 72–80.
20. *Федоров А.В.* Смертная казнь (ликвидация) юридического лица как уголовное наказание и привлечение к уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности: зарубежный опыт // Юридический мир. 2020. № 4. С. 18–21.
21. *Майле А.Д., Старостин С.А.* Особенности германского административно-деликтного законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 1. С. 158–166.
22. *Михайлов В.И.* Уголовная ответственность в механизме противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. № 24. С. 44–45.
23. *Головка Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.
24. *Сизова В.Н.* Медитация в уголовном праве: вопросы определения понятия // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2015. № 3. С. 156–158.

References

1. *Khabrieva T.Ya., Avtonomov A.S., Artemov V.Yu.* Natsional'noe i mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodeistviya trgovle lyud'mi i rabstvu v ikh sovremennykh formakh [National and international legal regulation of combating human trafficking and slavery in their modern forms]. Moscow, IZISP Publ., 2019. 389 p. (In Russian)
2. *Avtonomov A.S., Artemov V.Yu., Vlasov I.S.* Vozmeshchenie material'nogo vreda poterpevshim: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Compensation of material harm to victims: a comparative legal study: Comparative legal research]. Moscow, IZISP Publ., 2016. 304 p. (in Russian)
3. *Artemov V.Yu., Vlasov I.S., Golovanova N.A.* Bor'ba s korruptsiei v pravookhranitel'nykh organakh za rubezhom [Fighting corruption in law enforcement bodies abroad]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 318 p. (In Russian)
4. *Artemov V.Yu., Vlasov I.S., Golovanova N.A.* Pravovaya zashchita poterpevshikh v zarubezhnykh stranakh [Law protection of victims of crimes in foreign countries]. Moscow, IZISP Publ., 2017. 304 p. (In Russian)
5. *Vlasov I.S., Vlasova N.V., Golovanova N.A.* Otvetstvennost' za otmывanie (legalizatsiyu) korruptsionnykh dokhodov po zakonodatel'stvu zarubezhnykh gosudarstv [Responsibility for the laundering (legalization) of corruption proceeds under the laws of foreign countries]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 310 p. (In Russian)

6. *Vlasov I.S., Golovanova N.A., Artemov V.Yu.* Migratsiya i prestupnost': Sravnitel'no-pravovoi analiz [Immigration and crime]. Moscow, IZISP Publ., 2012. 496 p. (In Russian)
7. *Vlasov I.S., Golovanova N.A., Men'shikh A.A. i dr.* Ugolovno-pravovye mery po protivodeistviyu korruptsii za rubezhom: Sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Criminal law measures to combat corruption abroad: Comparative legal study]. Moscow, IZISP Publ., 2014. 432 p. (In Russian)
8. *Lafitskii V.I.* Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy [Comparative Law: National Legal Systems], Vol. 1. Pravovye sistemy Vostochnoi Evropy [Legal systems in Eastern Europe]. Moscow, IZISP Publ., 2012. 528 p. (In Russian)
9. *Lafitskii V.I.* Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy [Comparative Law: National Legal Systems], Vol. 2. Pravovye sistemy Zapadnoi Evropy [Legal systems in Western Europe]. Moscow, IZISP Publ., 2012. 768 p. (In Russian)
10. *Lafitskii V.I.* Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy [Comparative Law: National Legal Systems], Vol. 3. Pravovye sistemy Azii [Legal systems in Asia]. Moscow, Yurid. firma «Kontrakt» Publ., 2013. 704 p. (In Russian)
11. *Khabrieva T.Ya., Fedorov A.V., Bear-Tushe M.* Ugolovnaya i administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Rossii i vo Frantsii [Criminal and administrative liability of legal persons in Russia and France]. Moscow, IZISP Publ., 2018. 193 p. (In Russian)
12. *Arkhiptsev N.I.* Ugolovno-pravovoe zakonotvorchestvo: problemy i perspektivy sovershenstvovaniya [Criminal law: problems and prospects for improvement]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2004, no. 2, pp. 55–59. (In Russian)
13. *Echkalo V.* Prestuplenie i nakazanie, ili Kto vinovat (chernyi yumor zakonodatelya [Crime and punishment, or Who is to blame (black humor of the legislator)]. *Zakonodatel'stvo [Legislation]*, 2004, no. 4, pp. 86–87. (In Russian)
14. *Malkov V.P.* Mnozhestvennost' prestuplenii: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie [The multiplicity of crimes: the essence, types, legal significance]. Kazan, Izd-vo «Taglimat» Publ., 2006. 139 p. (In Russian)
15. *Markuntsov S.A.* O masshtabakh permanentnoi novellizatsii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On the scale of permanent novelization of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2018, no. 2, pp. 18–26. (In Russian)
16. *Fedorov A.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits vo Frantsii [Criminal liability of legal entities in France]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation]*, 2017, no. 1, pp. 15–25. (In Russian)
17. *Fedorov A.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits [Criminal liability of legal entities]. *Zakon [The Law]*. 2017. № 6. Pp. 62–69. (in Russian)
18. *Fedorov A.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits na postyugoslavskom prostranstve [The criminal liability of legal entities in the post-Yugoslav space]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2018, no. 11, pp. 69–76. (In Russian, abstract in English)
19. *Fedorov A.V.* Ugolovnye sanktsii dlya yuridicheskikh lits na postyugoslavskom prostranstve [Criminal sanctions for legal entities in the post-Yugoslav space]. In *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2018, no. 12, pp. 72–80. (In Russian, abstract in English)
20. *Fedorov A.V.* Smertnaya kazn' (likvidatsiya) yuridicheskogo litsa kak ugolovnoe nakazanie i privlechenie k ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskogo litsa posle prekrashcheniya ego deyatelnosti: zarubezhnyi opyt [The death penalty (liquidation) of a legal entity as a criminal punishment and criminal prosecution of a legal entity after the termination of its activities: foreign experience]. *Yuridicheskii mir [Legal world]*, 2020, no. 4, pp. 18–21. (In Russian)
21. *Maile A.D., Starostin S.A.* Osobennosti germanskogo administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva [Features of the German administrative-tort legislation]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Courier of the university named after O.E. Kutafin (MSAL)]*, 2018, no. 1, pp. 158–166. (In Russian)
22. *Mikhailov V.I.* Ugolovnaya otvetstvennost' v mekhanizme protivodeistviya korruptsii [Criminal Liability in the Anti-corruption Mechanism]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2017, no. 24, pp. 44–45. (In Russian, abstract in English)
23. *Golovko L.V.* Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave [Alternatives to prosecution in modern law]. Saint-Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2002. 544 p. (In Russian)
24. *Sizova V.N.* Meditatsiya v ugolovnom prave: voprosy opredeleniya ponyatiya [Meditation in criminal law: questions of the definition of a concept]. In *Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii [Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2015, no. 3, pp. 156–158. (in Russian)